

*Л.И. Грошева, кандидат социологических наук
ТВВИКУ (Тюмень)*

*И.Л. Грошев, кандидат социологических наук, доцент
ТВВИКУ (Тюмень)*

*И.А. Грошева, кандидат социологических наук, доцент
Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области (Тюмень)*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА

Современная информационная система является комплексом совместного вклада институциональных организаций информирования, частных коммерческих информационных структур, корпоративных медиа, а также отдельных инфлюэнсеров, рассматривающих информационное поле как сферу предпринимательской деятельности. По этой причине насыщение контентом происходит по мере возникновения и развития трендов, случайных факторов актуализации тематических направлений, а также исходя из наличия социального заказа со стороны государства. Последний субъект информирования в условиях повышения напряженности геополитической ситуации структурно формирует два различных информационных поля. Собственно содержательные массивы, содержащие ценностный, мотивационный комплекс установок для реализации гражданской позиции населения. А также рефлексивные волны, рассматривающие оригинальные тексты как способ реализовать собственную политическую позицию, которая может коррелировать, но и вступать в противоречие с установкой государства [1, с. 15]. Во многом развитие последних групп обусловлено общей популяризацией оппозиционных движений как специфической формы демократической реакции, заключающейся в демонстрации мнения меньшинства на уровне общественного информирования.

Современная политическая информация определяется перманентностью обновления и структурным дополнением фактологического материала в рамках тематических сообществ (в социальных сетях или мессенджерах) соответственно основной идеи и позиции их авторов и модераторов. Таким образом, преломление информации происходит в виде трехуровневой системы фильтрации.

В рамках первого этапа поступающие данные оцениваются на предмет соответствия тренду, актуальной повестке или конкурентоспособности по отношению к другим предлагаемым новостным сводкам. По этой причине часть значимой информации может быть представлена несвоевременно или проигнорирована ввиду актуализации других идей или событий.

Второй этап фильтрации сопряжен с деятельностью административного аппарата сообществ, которые осуществляют отбор предлагаемых данных, а также их условное присвоение посредством добавления в основной пост неотчуждаемых комментариев (формируется как часть мема или картинки поста), замены базовой картинки или искажения фраз или порядка изложения. Таким образом, сохранение вирусного принципа распространения и следование тренду стимулирует руководителей сообществ актуализировать только те массивы, который соответствуют общим установкам группы, или коррелируют с их личной позицией [4, р. 29].

Третий этап фильтрации обусловлен качеством реакции групп давления, в структуру которых входят наиболее активные участники, а также инвесторы или спонсоры в системе монетизации работы сообщества. Качество, интенсивность и оперативность реакции выступает рефлексивным механизмом коррекции информационной политики объединений, что побуждает администраторов координировать свои усилия с активной частью аудитории. В случае накопления в активе представителей определенных взглядов, сама группа становится источником политической позиции, даже в том случае, если ее содержательная составляющая связана с качественно отличными социальными проблемами [2, с. 8]. По этой причине ряд исследователей отмечает рост этнизации и политизации виртуальной среды в целом, что стимулирует процесс цифровой сегрегации на основе инициативного формирования барьеров со стороны пользователей и держателей виртуальных сообществ [2, с. 12]. Усиление барьеров в свою очередь затрудняет внешний социальный контроль со стороны представителей информационного аудита и сторонних пользователей.

Исследователи отмечают, что рефлексивная позиция виртуальной среды во многом искажает исходный политический материал и формирует разнонаправленность в восприятии происходящих событий. Учитывая тот факт, что верификация данных во многом обусловлена качеством рассматриваемого источника (официальные СМИ или частные просветительские каналы), рефлексивный анализ характера описываемых действий или установок, выступая в качестве представления частного мнения, характеризуется менее критическим восприятием со стороны аудитории, хотя и большим дискуссионным потенциалом [3, р. 689]. По этой причине риски, связанные с системой комментариев, репостов и технических отметок (лайков, смайликов и пр.), представляют собой объективные механизмы воздействия на сознание людей через установки на солидарность, включенность в профессиональные группы или группы по интересам.

Учитывая указанные проблемы, авторами в феврале-октябре 2024 г. было проведено пилотажное исследование с целью определения особенностей восприятия политической информации в цифровой среде. Сбор информации был

реализован посредством качественного исследования методом фокус-групп (23 группы по 5–7 человек), в состав которых входили руководители тематических сообществ в социальных сетях и мессенджерах, связанных с политическими аспектами жизни общества.

Молодые люди отмечали наличие затруднений в поиске и анализе политических данных. С одной стороны, ознакомление с наиболее значимыми аспектами производилось на основе оценки повторяемости сведений: наличие постов с идентичным содержательным контекстом определяло для целевой аудитории степень актуальности предлагаемых фактов. При этом, система простого копирования без авторского присвоения (добавления данных или оформления) в восприятии молодых людей отражала новость менее значимую, а также не сопряженную с социальным резонансом. Такого рода вирусный контент, как правило, не считался запоминаемым и рассматривался как досуговый аспект ежедневного ознакомления. В то же время наличие нескольких форматов адаптации контента повышало уровень запоминаемости данных и побуждало молодых людей ориентироваться на сведения для принятия решений или формирования собственного взгляда на описываемый факт. В качестве исключения из указанной закономерности выступали те тематические сообщества и группы, которые адаптировали факты в плане представления и оформления согласно установленным стандартам группы. Следует отметить, что в отношении указанных сообществ целевая аудитория проявляла к сведениям наибольший интерес. Однако, рассмотрение фактов с позиции доверия не отразило значимой зависимости. Наличие доверительного отношения к контенту группы в целом в большинстве случаев не коррелировало с восприятием излагаемых фактов. Полученный результат может быть обусловлен рядом причин. С одной стороны, понимание молодыми людьми системы распространения данных определяет их восприятие материала не как авторской позиции, а как заимствованного контента. С другой стороны, сам характер противоречивости политического информирования в целом, вызывает у молодых людей ощущение досуговой составляющей информации, что не требует дополнительного критического анализа, верификации, но также и принятия сведений применительно к организации своих жизненных планов.

Наиболее негативную оценку в отношении распространения информации политической направленности получила система социальной рефлексии. Только треть участников фокус-групп рассматривали дискуссии в комментариях как конструктивный феномен, предоставляющий возможность аргументировать свою позицию и произвести анализ взглядов оппонента. Превалирующая доля высказалась в пользу распространения агрессии, персонификации позиций, а также манипулятивных техник воздействия на аудиторию. Несмотря на общий депривированный характер комментариев, половина опрошенных отметила больший интерес именно к данному сегменту информирования. Молодые люди

отмечали, что дискуссия характеризуется динамическими параметрами (в отличие от статичности данных исходного поста), что позволяет в том числе получить дополнительные данные, а также уточнить собственные взгляды, если для них ранее не было объективной аргументационной основы. Половина участников предпочитала знакомство с комментариями собственному анализу данных. Во многом это обуславливалось установками на пассивный интернет-серфинг, однако также связывалось с отсутствием навыков по самостоятельной верификации данных. По этой причине из системы комментариев отбирались те позиции, которые содержали в себе непротиворечивую логику изложения, либо фактологический материал в виде ссылок или вложенных файлов. Из анализируемого массива, как правило, исключались те авторы, комментарии или тексты, которые прямо или косвенно содержали стереотипические обвинения и комплексы (обвинения в пропаганде, обозначение участников как сторонников официальной власти и пр.). Наличие стигматизации в позиции собеседников автоматически снижало ценность всей цепочки изложения их позиции, что нивелировало также значимость представленных объективных фактов.

Система информирования в области политических аспектов жизни общества в значительной мере насыщена рефлексивным материалом, действие которого характеризуется не меньшей значимостью, чем оригинальные информационные массивы. Внимание к социальной рефлексии должно проявляться на уровне централизованного социального аудита, задачей которого является сбор и анализ транслируемых установок. Наиболее значимым риском в системе цифрового просвещения выступает включение в дискуссионное противостояние субъектов с деструктивными ценностями и взглядами, обладающими профессиональными навыками ведения споров и аргументации собственной позиции.

Источники

1. Силкин, В. В. Информационно-коммуникативные управленческие процессы в политическом пространстве общества / В. В. Силкин // Коммуникология. – 2017. – № 6. – С. 15–28.
2. Эбзеев, А. А. Структура и субъекты информационной политики / А. А. Эбзеев, О. В. Судорогин, В. Ф. Ницевич, О. А. Нестерчук // Управление. – 2023. – № 2. – С. 5–14.
3. Dowding, K Manipulation in politics and public policy / K. Dowding, A. Oprea // Economics and Philosophy. – 2024. – Vol. 40, Iss. 3. – P. 685–710.
4. Noggle, R. Manipulation in Politics / R. Noggle // Oxford Research Encyclopedia of Politics / ed. in chief. W. R. Thompson. – Oxford, 2021. – P. 26–34.